

Наша газета продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

В этом номере мы публикуем письмо одного из участников отражения англо-французского десанта в 1854 году князя Дмитрия Петровича Максудова своему старшему брату Павлу Петровичу Максудову.

Несколько слов стоит сказать о роде Максудовых, который относится к волжско-булгарскому княжеско-мурзинскому роду. У главы семейства Петра Ивановича Максудова, действительного статского советника родилось четверо сыновей – Павел, Дмитрий, Александр и Петр. Наиболее известны нашим современникам были Павел, Дмитрий и Александр. Старший брат Павел Петрович дослужился до звания контр-адмирала, был участником Синопского сражения в 1853 году и обороны Севастополя в 1854–1855 годах.

Во время Синопского сражения (последнего сражения парусного флота) он нес службу на линейном корабле «Париж». Тогда русская эскадра кораблей Черноморского флота под командованием адмирала Павла Степановича Нахимова разгромила турецкую эскадру и уничтожила Синопскую крепость. За мужество и хладнокровие, по высочайшему повелению, Максудова наградили орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и годовым окладом жалования. Он отличился во время Крымской войны – при обороне Севастополя. Вот строчки из указа о его награждении: «Производятся за отличную храбрость и мужество, оказание при обороне города Севастополя во время бомбардирования оного англо-французскими войсками флотом... из лейтенантов в капитан-лейтенанты... Флотских экипажей... 31-го (князь Максудов 1-й)» и награждается орденом Св. Анны 3 ст. с бантом, затем Св. Анны 2 ст. и Золотой саблей «за отличную храбрость и мужество, оказанные при обороне Севастополя».

Князь Павел Петрович Максutow вместе с матросами ходил в штыковые атаки и на вылазки, был неоднократно ранен. Свою службу окончил в должности губернатора Таганрога. Умер в возрасте 57 лет. По завещанию контр-адмирала князя Павла Максutowа похоронили в Севастополе на Братском кладбище, находящемся на северной стороне Севастопольской бухты рядом с другими защитниками Севастополя. Он был не единственным офицером – участником героической обороны главной крепости Черноморского флота, который после своей смерти завещал похоронить себя среди павших защитников города. Российский император Александр II своим указом разрешил предавать земле упокоившихся бывших защитников Севастополя на Братском кладбище. Российский монарх лично участвовал в закладке Свято-Никольского храма-памятника на территории кладбища и пожертвовал необходимую сумму денег на ее строительство из своих сбережений.

Вячеслав Скалацкий

ВОСПОМИНАНИЯ (В ПИСЬМЕ К БРАТУ)

(Д. П. МАКСУТОВ)

Отрывки из этого письма были впервые опубликованы в «Камчатской правде» 4 августа 1954 г. Неполную копию его любезно предоставил внук героя, известный советский астроном, изобретатель менискового телескопа, член-корреспондент АН СССР Дмитрий Дмитриевич Максutow. В наше распоряжение копию этого письма передала его дочь – математик, доцент Татьяна Дмитриевна Максutowа. Копия находилась в конверте, на котором стояла надпись «Письмо брата». Вероятнее всего, подлинник хранился в бумагах Павла Петровича Максutowа – участника обороны Севастополя 1854–1855 гг. Копия переписана рукой дочери Д. П. Максutowа – Александрой Дмитриевной.

Во время обороны Петропавловска Дмитрию Петровичу было всего 22 года (он родился 10 мая 1832 г.). Он уже имел за плечами немалый морской опыт. Он плавал на многих

военных кораблях: «Андрей», «Лефорт», «Варна», на фрегатах «Мидия» и «Кагул». Плавал он и в Балтийском и Черном морях. 28 марта 1851 г. он был произведен в лейтенанты и отправлен в Сибирь и на Дальний Восток. В 1852–1853 гг. он плавал на корвете «Оливуца», который участвовал в экспедиции Е. В. Путятина в Японию. Сам В. С. Завойко пригласил Максудова перейти к нему на службу на должность помощника капитана Петропавловского порта. В Петропавловске он стал строителем и командиром наиболее крупной батареи порта – батареи № 2 на Кошке (косе). За его большие заслуги в обороне Петропавловска ему была предоставлена возможность доставить в Иркутск и в Петербург рапорт о победе в Петропавловске. Из столицы Максудов вернулся на Дальний Восток, где вновь служил на корвете «Оливуца». С декабря 1858 г. поступил на службу в знаменитую Российско-Американскую компанию и был отправлен в Русскую Америку. Дмитрию Максудову довелось стать последним управителем Русской Америки. Поэтому до нас дошло множество документов об этом периоде жизни Д. П. Максудова. Американский историк Ричард Пирс недавно опубликовал две весьма любопытные статьи о жизни и деятельности Дмитрия Максудова (см. R. A. Pierce. Prince D. P. Maksutov: Last Governor of Russian America—Journal of the West, vol. VI, N 3 (July 1967), p. 395–416; он же Prince D. P. Maksutov – The Alaska Journal, 1973, N 1, p. 20–30).

Считаю долгом выразить свою благодарность Т. Д. Максудовой за предоставление в наше распоряжение копии письма с воспоминаниями Д. П. Максудова и других материалов, связанных с его деятельностью.

...Затем направились мы в Петропавловск и пришли туда в середине мая. В то время не было телеграфов, и хотя война уже была объявлена, но мы об этом еще ничего не знали. Заботливый генерал Завойко, однако, не сидел сложа руки, и у него уже было намечено, где строить батареи, и приготовлен лес для платформ. Меня он сейчас же списал с корвета, назначил своим помощником и поручил строить батарею № 2, которой я и назначен был командовать. Припомня уроки фортификации, я составил план батареи и, по утверждению его генералом, приступил к постройке. Батарея вышла у меня некрасивая и неуклюжая, над которой немало издевался приехавший впоследствии военный инженер Мровинский, строитель всех следующих батарей, однако на деле она показала свои достоинства. В июле мес[яце] пришел транспорт «Двина» и привез чел[овек] 300 солдат, назначенных в пополнение 46 экипажа, а затем, кажется 19 июля, фрегат «Аврора». Видя военное судно, входящее под всеми парусами, мы ожидали, что оно подлетит к якорному месту, бросит якорь и сразу уберет все паруса, но не тут-то было. Оно начало убавлять их поочередно и долго возилось с уборкою. Это обстоятельство нас крайне поразило; но скоро выяснилась причина. Фрегат «Аврора», ввиду ожидающегося разрыва, редко заходил в порты, оставался в них самое короткое время и не имел возможности освежать команды, вследствие это[го] на судне развился сильный скорбут [цинга] и по приходе в Камч[атку] около 200 чел[овек] лежало. Фрегат сейчас же втянули в гавань, а больных свезли на берег и

поместили в палатках, где они сейчас же начали поправляться, хотя многие умерли. Затем пришло одно американское судно и привезло формальное известие о войне с Англией и Францией. В это время были мы уже совершенно готовы и ждали прихода неприятеля. Только никто из нас никогда не думал, чтобы для овладения Камч[аткой] пришла бы такая сильная эскадра. В это время люди уже были расписаны по орудиям, назначены стрелковые партии и каждая единица уже знала и свое место и свои обязанности. На «Авроре» пришел мой брат Саша, с которым я не виделся 3 года. 17 авг[уста] 1854 г. в 10 ч. утра с дальнего маяка был дан сигнал: «Вижу военную эскадру из 6 судов».

На Камчатке, как и в других отдаленных местах, офицеры и высшие чиновники обедают у начальника, так было и у нас. Ранний обед, около 12 ч., был не из веселых, разговор был обрывистый и вообще не клеился, все были озабочены и заняты своими думами, но самое тяжелое положение было, конечно, генерала, т. к. он, кроме ответственности и забот обо всем, имел еще заботу о семье, которая после обеда, захватя что попало, отправлялась в деревню Авачу, верст за 12 от порта, а семья состояла из жены и 8 детей. В 1 час ударили тревогу.

Прислуга моей батареи выстроилась близ губернаторского дома, тут я ее проверил, сняли шапки, перекрестились и сказали: «Да будет воля твоя», вызвал песенников вперед, и мы весело пошли, не думая о том, что многие у нас идут этой дорогой в последний раз. В этот день вошел, однако, только пароход, а эскадра держалась при входе в бухту.

На следующий день, 18 августа, около 4 ч., вошла эскадра в следующем порядке: англ[ийский] пароход «Вилаго», фр[анцузский] бриг «Облигадо» – 18 пуш[ек], англ[ийский] адмир[альский] фрегат «Президент» – 52 пуш[ки], английский фрег[ат] «Пик» – 44 пуш[ки], фр[анцузский] адм[иральский] фр[егат] «Форт» – 60 пуш[ек], фр[анцузский] фр[егат] «Евридис» – 32 пуш[ки]. Едва суда вошли в пределы пушечных выстрелов, как батарея № 3, а затем и № 1 открыли огонь, неприятель отвечал тем же, и дело кончилось несколькими выстрелами с дальнего расстояния, ни убитых, ни раненых не было. 19 августа замечено было особое движение на неприятельской эскадре. Шлюпки сновали от одного судна к другому, и особенная деятельность замечалась на пароходе, который затем ушел в Тарьинскую бухту, откуда возвратился часа через три. Впоследствии мы узнали, что при входе эскадры в Авачинскую бухту застрелился англ[ийский] контр-адмирал Прайс и 19 августа пароход ходил в Тарьинскую бухту для похорон адмирала. Причина, побудившая адмирала покуситься на самоубийство, осталась неразгаданной. Наконец, настал роковой день 20 авг[уста]. С раннего утра на эскадре качалось движение, частые сигналы и усиленная деятельность показывала, что неприятель намерен сделать решительное нападение. В 7 1/2 ч[аса]

утра на батарею № 1 приглашен был священник отслужить молебен. В это время неприятель уже занимал боевую позицию и во время чтения евангелия над головами молящихся разорвалась первая бомба. Неприятель наступал, как значится на плане, имея пароход в середине, с левого борта – «Президент», с правого – «Форт» и за кормой – «Пик». Сначала поставлен был на позицию «Пик», потом «Форт» и «Президент». Суда расположены были в таком же порядке, что и моя батарея, и «Аврора» и «Двина» не могли по ним действовать, так как они защищены были Сигнальным мысом. Батарея № 4 была сбита очень скоро, а в 10-м часу засыпало и батарею № 1, т[ак] ч[то] обе они заклепали орудия и прекратили огонь. Тогда неприятель подвинулся вперед настолько, чтобы не подвергаться выстрелам с фрегата, и весь свой огонь направил на мою батарею. Мы начали пальбу орудиями, и я лично наблюдал за каждым выстрелом, т[ак] к[ак] зарядов у нас было мало и порох нужно было беречь. Но скоро начался такой ад, что от дыму и пыли в двух шагах ничего не было видно, и потому, спрятав людей за бруствером, я прекратил пальбу и ходил по батарее, наблюдая за неприятелем, и, чуть только он показывался, снова начиналась пальба орудиями. Так продолжалось до 7 часов вечера, когда неприятель, не сбив моей батареи, должен был отступить. Однако к концу боя батарея моя была значительно повреждена и из 11 орудий осталось только 5. Я никогда не забуду вечера этого дня. Когда отступил неприятель, приехал на батарею Завойко благодарить меня и команду за то, что каждый исполнил свой долг, а затем мои боевые товарищи поздравляли, целовали и от души жали мою руку. По правде тебе сказать, я только тогда и очнулся, т[ак] к[ак] все это время я был в напряженном состоянии, не замечал или старался не замечать, что делается кругом, и наблюдал только за неприятельскими судами и своею прислугою. Годы ли были такие или что другое, но я ни разу не подумал об опасности. Ожидая нападения наутро, ночь провели мы беспокойно. После короткого отдыха принялись за исправление бруствера и исправление подбитых станков, и к утру батарея была в порядке и могла действовать 10 орудиями. Однако ожидаемое нападение не повторилось. Ночью был слышен на эскадре стук от производившихся там плотничных работ, а утром увидели, что «Президент» и пароход наклонены на правую сторону и чинят повреждения в подводной части, на других судах заметны повреждения в рангоуте и такелаже. 22–23 чис[ла] на неприятельской эскадре – те же занятия. Утром (в 4 часа) на парох[оде] готовили десантные боты, барказы и шлюпки, а вслед за тем пробита тревога. В 5 1/2 час[ов] парох[од] взял на буксир с левого борта «Президента», а с правого «Форт» и повел их по другую сторону Сигнальной горы. Фрег[ат] «Форт» оставил против батареи № 3, а «Президента» против батареи № 7. Бриг «Облигадо» крейсировал вдоль берега, а у левого борта парохода были шлюпки и десантные боты. Батареи держались недолго, в особенности № 3, где пал брат Александр, а вслед за их падением неприятель высадил десант у бат[ареи] № 7. На гребне Никольской горы находился небольшой отряд, долженствовавший защищать гору; но он занял не самую вершину, а пространство от гребня до порохового погреба, полагая, что неприятель пойдет на батарею № 6. Неприятель же пошел в обход и занял самую вершину горы и оттуда стрелял на выбор. Тут были ранены: инженер Мровинский, казак Карандашев, управлявший горным орудием, убит купец Калмаков и др. Ошибка эта скоро была исправлена. Стрелковые партии с фрегата «Аврора» начали подниматься на гору со стороны перешейка, а остальные партии рассыпались в длину всей Никольской горы и, скрываемые кустами, начали подниматься в гору, а

затем дружно ударили в штыки и атаковали неприятеля с фронта и с двух флангов. Неприятель сразу дрогнул, и ему ничего не оставалось, как отступить, а так как за спиной у него был крутой спуск к морю, то он и был сброшен моментально. Вслед за бегством неприятельского десанта суда начали обстреливать, гребень Никольской горы. Наши партии спустились с горы и остановились у порохового погреба, а камчадалы и лучшие стрелки засели в кустах на вершине горы и добивали неприятеля меткими выстрелами. Отступление было самое беспорядочное, и немногие добрались, уплыли. По сведениям, опубликованным уже после войны, союзники потеряли убитыми и ранеными 27 офицеров и 300 с чем-то нижних чинов. Неприятель посылал уже последние выстрелы, как у порохового погреба уже рылась яма для погребения и наших, и врагов в количестве 80 чел[овек]. Затем благодарственный молебен на месте погребения убитых, а потом в городе торжество и ликование. Мои счастливые минуты были отравлены потерей моего брата. Ему оторвало руку ядром, причем сильно контузило левую сторону. Хотя он хорошо выдержал операцию и перевязку и в первое время чувствовал себя хорошо, но со всяким днем слабел и умер 10 сент[ября]. 25 августа пароход отправился в Тарьинскую бухту, имея на буксире 3 барказа, хоронить своих убитых. На эскадре день и ночь слышен был стук от плотничных и конопатных работ и замечено исправление рангоута и такелажа. Пароход возвратился в ночь на 27 число. Утром в 7 1/2 часов эскадра снялась с якоря и вышла в море. Ровный попутный ветерок подгонял ее, и она скоро скрылась из вида. Сборы в путь были очень вялые. Медленный подъем больших гребных судов, беспорядочная постановка парусов и пр. доказывали, что на эскадре громадные потери в людях. По уходе эскадры люди отозваны были с батарей и собрались в соборе, где был отслужен благодарственный молебен. Нечего тебе говорить, с каким чувством молился каждый из нас, это понятно всякому. Затем команды собрались в казармы. Завойко поздравлял их, выпил чарки за здоровье царя и их, и потом пошло то, что обыкновенно бывает, когда люди предоставляются самим себе. Семейные торопились встретиться с своими семьями, покинувшими город. Пьяницы валялись по канавам и кустам и т. п. Офицеры собрались на обед к губернатору. Обед был самый одушевленный и живой, наша дружная семья собралась в первый раз после боя, и всякий имел что-нибудь рассказать. После обеда губернатор пил за наше здоровье, мы пили за его, орали, кричали «ура!» и пр. Наконец, когда все приутихло, Завойко сказал, что т[ак] к[ак] дело кончено, то нужно об этом послать донесение в Петербург, и он желал бы знать, на кого упадет общий выбор иметь эту честь. «Разумеется, Максutow», — пробасил Изыльметьев, командир «Авроры». «Максutow, Максutow», — подтвердили все, кроме одного, который побледнел и не поддерживал этого предложения. Завойко благословил меня, поздравил и поцеловал, а затем поздравили меня и целовали остальные мои товарищи. Таким образом, отъезд мой был решен и нужно было только подумать, на чем меня отправить. В это время находился в порте американский бриг «Нобль», с капитаном которого и было условлено о доставке меня в Аян, и т[ак] к[ак] мачты и такелаж его были повреждены, то тотчас же принялись за его исправление. Повреждения, однако, оказались настолько значительными, что я только 14 сентября мог отправиться в путь. Последние дни моего пребывания в Камчатке были самые грустные. Брат мой страдал жестоко и, видимо, слабел. После хороших дней, стоявших во время пребывания неприятеля, начались осенние ненастья и дожди, крыша, пробитая осколками бомб, текла, как решето, сырость и перемена температуры скверно действовали на больных.

Мровинский, имевший легкую рану в ногу, перенес, а брат получил горячку и 10 сент[ября] умер, 12 числа его похоронили.